

Д. И. Польшанский

СЛАВЯНЕ И БОЛГАРЫ В ВОСТОЧНОРИМСКОМ ИМПЕРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗЛИЧЕНИЯ

Конструктивизм, сегодня активно вытесняющий из академического пространства традиционные исторические представления, во многом построен на отождествлении *истории как реальности с историей как ее описанием*. Проблемы различения *истории-реальности* и *истории-описания* становятся тем более сложными, чем далее хронологически отстоят от нас и первая, и вторая. Для целей данного экскурса предположим, что субъекты *истории-реальности*, как правило, множественны, различны и не всегда определимы, а субъект *истории-описания* единичен и может быть определен.

В ходе дискуссии об этногенезе славян в отечественной науке, сопровождавшей работу над изданием, а затем и выход в свет «Свода древнейших письменных известий о славянах» в начале 1990-х гг., указанное различение наметилось, но не получило развития. Как писал автор этих строк в рецензии на первый том «Свода»,

...важнейший вклад издания состоит в проведении четкой грани между источниками, бесспорно отражающими самостоятельное бытование славян в Европе и сведениями, привлечение которых к реконструкции ранней славянской истории требует серьезного дополнительного обоснования¹.

¹ Польшанский Д. И. [Рец. на кн.]: Свод древнейших письменных известий о славянах / Отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. М.: «Наука», 1991. Т. 1. (I–VI вв.). 472 с., карты // Византийский временник. 1996. Т. LVI. С. 337.

Эту грань, по сути, провел термин «славяне», зафиксированный византийскими источниками не ранее начала VI в. н. э. По словам В. Я. Петрухина,

...безусловной вехой в этнической истории славян временем «прорыва» их в историю остается VI век, а главным этнокультурным рубежом, на котором осуществился этот прорыв, — Дунай².

Состояние письменных источников, на которое мы ссылались в упомянутой выше публикации, и сейчас не дает возможности ни однозначно считать термин «славяне» самоназванием племен, начавших переходить Дунай в начале VI в. и впоследствии расселившихся почти на всем Балканском полуострове, ни полностью принять версию, что славянами (склавинами) стали называть эти племена византийцы в VI–VII вв., как это предположил Флорин Курта³.

Работа Ф. Курты, и последовавшая за ней коллективная монография о «другой Европе» под его редакцией⁴ ценны не только комплексностью методологии, сочетающей на конструктивистской платформе умелую интерпретацию письменных источников с уместным включением в контекст исследования данных материальной культуры и этнологических наблюдений. Их объединяет цельность представления о Восточной Европе как о периферии византийской ойкумены — организованного и контролируемого пространства живого и дееспособного универсального государства. Попадая в имперское пространство, пришельцы получали в нем своеобразную «регистрацию». Она включала наречение его новых обитателей именем, которое отличало бы пришельцев среди друзей и врагов империи; определение их статуса среди прочих обитателей ойкумены и обозначение территории, которую они занимали. В «регистрационном свидетельстве» ранних славян, выписанном византийской, а вслед за ней западноевропейской историографией и агнографией VI–VII вв., значились имя «славяне», названия племен и занятых ими земель и присвоенная им устойчивая репутация язычников и врагов империи.

События указанного времени и их отображение в историографии обозначили исходные позиции идентификации славян на периферии византийской ойкумены. Как считает Ф. Курта, «создание славянства», начавшееся в Византии середины I тыс. н. э., завершилось в начале II тыс. принятием данного термина в качестве самоназвания славян, что и было отмечено «Повестью временных лет». Процесс «создания славянства», занявший не один век, не был односторонним и протекал сложно и неравномерно.

В последние годы тезис о том, что за термином «славяне» во второй половине I тыс. н. э. могли скрываться разноязычные племена, уже не вызывает резких возражений в научной литературе, хотя в литературе околонушной до сих пор выдается за сенсационное открытие⁵.

Однако к концу XI в., когда создавалась воешедшая в «Повесть временных лет» Начальная летопись, термин «славяне» уже приобрел новые коннотации не только в ученой традиции, но и в политическом обиходе раннесредневековой Европы. Произ-

² Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск: М., 1995. С. 15.

³ Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge: New York, 2001.

⁴ The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars and Cumans / Ed. by F. Curta, R. Kovalov. Leiden; Boston: New York, 2007.

⁵ Ср.: Бычков А. Происхождение славян. М., 2007.

водные от термина «славяне» этнонимы получили распространение среди населения Приальпийского региона, Среднего Дуная, на севере Восточной Европы и были зафиксированы западными историческими текстами VII–IX веков.

Славянам нашлось место и в текстах, составляющих историческую традицию почти современных им других пришельцев в византийскую ойкумену — болгар. Их древнейший исторический памятник — Именник болгарских князей, сохранившийся в древнерусских списках XVI в. — отчетливо делит историю болгар на два периода: первый, когда их вожди «держали княжение по ту сторону Дуная», и второй, продолжающийся «поныне» с тех пор, как «перешел на эту сторону Дуная Исперих-князь»⁶. В Болгарской апокрифической летописи, текст которой хронологически близок «Повести временных лет», над «множеством людей от Дуная и до моря», поселившихся в земле, «оставленной римлянами и эллинами», правит царь «из их же числа» по имени Слав⁷. Представления об «исходе» болгар за Дунай как о точке отсчета их истории, когда они «переправились через Дунай и, победив греков, отняли у них землю, где живут и поныне», сохранялись и в XIV в., когда перевод хроники Константина Манассии был дополнен известиями из болгарской истории, начинающимися временем строителя Вавилонской башни Нимрода⁸.

Первое упоминание славян в собственно болгарской письменной традиции относится ко второму десятилетию IX в., которым датируется так называемая Сулейманькойская надпись на греческом языке, высеченная на мраморной колонне и содержащая текст мирного договора, заключенного между болгарским государем Крумом и византийским императором Львом V Армянином около 814 года. Во второй главе договора подтверждается *status quo ante bellum* «славян (σκλάβων), которые находятся под [властью] императора», а в третьей — оговаривается возвращение в их земли «остальных славян, которые не подчинены императору»⁹.

Комплекс болгарских надписей IX–X вв., к которым принадлежит данный текст, обрисовывает отчетливую систему представлений об организации имперской ойкумены и месте в ней болгар и славян. Как первым, так и вторым в них противопоставлены «христиане» (в цитируемом договоре им посвящена четвертая глава) или, как это отмечено в других надписях, «греки»¹⁰. (Встречается и принятое в Византии наименование «ромей»¹¹.) Возглавляемые законными государями (болгарские князья используют византийскую формулу «государь от Бога»), два народа делят между собой имперское пространство на равных основаниях, а славяне, разделенные на племенные Славинии и находящиеся между ними, являются объектом завоевания и подчинения как для той, так и для другой стороны. Во внешних контактах, например, с империей Карла Великого, византийские Славинии в это время называются своими племенными именами (например, тимочане, упоминаемые Эйнхардом, или многочисленные племена, упоминаемые в «Чудесах св. Димитрия»).

⁶ Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. / Сост. И. И. Калиганов и Д. И. Польшанский. М., 1990. С. 176.

⁷ Там же. С. 181.

⁸ Там же. С. 190.

⁹ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1979. С. 184.

¹⁰ Там же. С. 116, 128.

¹¹ Там же. С. 164, 171.

Важно отметить, что во времена, когда создавались древнеболгарские надписи, сам термин «болгары» нес не этническую, а политическую нагрузку. «Болгары», т. е. подданные болгарского государя, участвовали в устраиваемых им ритуальных пиршествах и назывались «соградезниками». О том, что среди них были и этнические славяне, говорят хрестоматийно известная надгробная надпись багатура Славны и упоминание в другой аналогичной надписи славянского термина «жупан»¹². В одном из ритуальных пиршеств, которое состоялось после победы Крума над императором Никифором I Геником в 812 г., участвовали и славянские архонты, что особо замечает первоисточник о событиях (Феофан). Хотя в последующих славянских переводах византийских известий об этой битве (Симеон Логофет, дополнения к Хронике Манассии) говорится только о болгарях¹³.

Следующий этап трансформации содержания понятия «славяне» — кирилло-мефодиевская миссия, результатом которой стало создание надэтнического церковно-славянского языка, оформившее третью, наряду с греческой и латинской культурную традицию христианской Европы. Известие Пространного жития Мефодия, что в молодости он управлял одной из подчиненных империи Славиний, отчетливо обозначает связь между византийской традицией употребления указанного понятия и его новым смыслом¹⁴. Перевод Священного Писания на славянский язык на исходе I тыс. христианства в терминах раннесредневековой Европы означал появление нового Божьего народа. В сочинениях Константина Преславского, принадлежавшего к первому поколению учеников св. Константина (Кирилла) и Мефодия, тема «славянского рода», который от «попирасмого всеми» становится «богоизбранным», является одной из центральных. В «Прогласе к св. Евангелию», обращенном ко «всем славянским народам» и ко «всем славянам», говорится, что «Христос грядет собрать языки», чтобы даровать им спасение перед Страшным Судом как Христову народу, в то время, как Бог «огнем будет судить язычников»¹⁵. Автор «Сказания о письменах» Черноризец Храбр (кон. IX – нач. X в.) также отчетливо обозначает рубеж между языческим славянством, использовавшим для записи своей речи греческие и «римские» буквы, и христианским народом славян, которому Бог вместе с письменами даровал разум и благодать¹⁶.

Характерно, что нет термина «славяне», зато последовательно упоминаются «болгары» и в одном из первых текстов христианской литературы в Болгарии, «Чуде о болгарине», принадлежащем правлению Симеона (893–927):

Я происхожу из новопросвещенного болгарского народа, который недавно был удостоен Богом святого крещения через избранника своего Бориса, названного в святом крещении Михаилом. Силой Христа и крестным знаменем сумел он победить несогасанный и непокорный болгарский род, озарил светом благоразумия сердца, омраченные злокозненными проделками дьявола, отменил темные и дживые, смрадные и богопротивные жертвоприношения и вывел болгар от тьмы к свету, от лжи и кривды к истине¹⁷.

¹² Там же. С. 219, 220.

¹³ См.: *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. Т. 1. Ч. 1: Епоха на хунно-българското надмощие. София, 1970. С. 336–337.

¹⁴ См.: Родник златоструйный... С. 127.

¹⁵ Там же. С. 142–144.

¹⁶ Там же. С. 145–147.

¹⁷ Там же. С. 320.

Ф. Курта, заканчивая свою книгу, отметил, что с «Повестью временных лет» завершается «сотворение славянства» и начинается использование этого концепта «в национальных целях с их апелляциями к историческим корням». Учитывая важность вхождения Древней Руси в византийскую ойкумену, можно предположить, что «славянский» экскурс киевского летописца имел своей целью не столько «национальное» утверждение восточного славянства, сколько все ту же «регистрацию» в имперском пространстве с использованием существовавших в данное время правил. На наш взгляд, указанные выше болгарские и кирилло-мефодиевские аспекты проблемы раннего славянства не менее важны для ее адекватного понимания, чем правомерное предположение о византийском происхождении первоначального славянского дискурса.

Summary

The notions of «Slavs» and «Bulgars» in the early medieval Bulgarian written sources of the 9th – 10th c. (in Greek and in Slavonic) have been thoroughly examined by many scholars. While the traditional approaches stressed the ethnic essence of these notions, the contemporary ones underline the political character of the early Slav and Bulgar identities. F. Curta's hypothesis on the Byzantine origin of the very name of the Slavs goes to decisively support the latter. Since in the case of the Bulgars a similar approach could hardly be applied the author is trying to find out general mechanisms of identification and distinction valid before and just after their christianization both for the Slavs and for the Bulgars as newcomers in the imperial space of the Eastern Roman Empire, which in its turn, had been transforming to the Empire of Christ, following the expression of St. Cyril the Philosopher.

The case of the Bulgars shows how the ethnic name was transformed into the political label embracing the subjects of the Bulgarian ruler despite their origin. By the same time the notion of Slavs, which in the pagan Bulgarian inscriptions had the same meaning as in Byzantium, in the sources in Church Slavonic acquired definite confessional connotation of new Christian people different from the pagan Slavs. This new meaning, coming from the holy Brothers of Thessalonica, somehow had repeated the making of the initial Slav discourse.

Thus the above-mentioned mechanisms of distinction had been based on some traditional for the Byzantine imperial space procedures of «registration» of its new segments and inhabitants. Within those procedures the newcomers even if they had managed to grab part of the imperial territory, had to receive from the Byzantine hosts certain name and to be «registered» either among the numerous and pagan *foederati* or within the Christian community itself.